

Ляйрих Е. Б.

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЁВА "ЛЕТО ГОСПОДНЕ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/52.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 135-137. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ловке речь идет о возрасте музыкальной группы и сына ее лидера. Однако содержание статьи представляет собой интервью с Ф. Скларом и поддержке взглядов отца сыном рок-звезды. Такой заголовок вместе с подзаголовком содержит стилистический прием: эффект обманутого ожидания.

В подобных случаях на первое место выдвигается рекламная функция. Она заключается в том, что заглавие особыми средствами заинтересовывает читателя, привлекает его внимание. Существует много способов выражения рекламной функции, один из которых - использование перефразированных прецедентных текстов в качестве заглавия. Рассмотрим заголовок: *“Увидеть Париж и... сэкономить!”* (КП, 24.03.2006), представленный без подзаголовка. В статье речь идет о снижении цен на путевки во Францию (в мае, июне 2006 г.) из-за погромов в ряде французских городов. Изменение лексического наполнения прецедентного высказывания придает заголовку необходимую прагматическую направленность на читателя. Заглавие является недостаточно информативным, так как в статье под таким заголовком речь может идти, например, о низких ценах на покупки во Франции, или статья может быть посвящена возможности виртуального путешествия через Интернет и др. Реализация рекламной функции в газетном заголовке достигается нестандартными путями, например, использование многоточия в середине заглавия. Такое построение возбуждает эмоции воспринимающего, повышает выразительность заголовка.

Нередкими оказываются случаи, когда заголовок носит рекламный характер, а подзаголовок раскрывает основное содержание статьи в полном объеме. Например, заголовок: *“Депутаты вооружились бриллиантовыми мечами”* (АиФ, №12, 2006) сопровождается подзаголовком: *“В Госдуме прошла выставка-продажа холодного оружия”*. В данном примере заглавие не совпадает по содержанию с подзаголовком. После прочтения публикации выясняется, что информация в подзаголовке отражает смысл статьи. Можно утверждать, что во многих случаях подзаголовок является ключом для раскрытия основного содержания статьи. Например: *“Земфира вышла из подполья”* (*“Певица представила поклонникам новый сингл “Трафик”*) (КП, 14.11.2001), *“Врачи лечат смертельные болезни “питанием”* (*“Корреспондент “Известий” выяснил, что это очередной способ распространения биодобавок”*) (Изв., 08.10.2002), *“Зрителя сажают на кнопки”* (*“Чем в новом сезоне телеканалы будут мучить аудиторию”*) (НГ, 06-09.09.2007).

Заглавие, реализующее рекламную функцию, может выражаться с помощью иноязычных слов: *“Михаил Рыдник, генеральный директор турнира St.Petersburg Open: Миллион долларов - сообщение о благополучии”* (Изв., 10.10.2002), *“Why Russia?”* (РГ, 15.10.2004). Рассмотрим заголовок *“Підрахунок”* (ЛГ, 22.03.-28.03.2006) представлен с подзаголовком: *“В переводе с украинского “підрахунок” - подсчет, от “рахувати” - считать”*. В данном случае заголовок и подзаголовок не достаточно информативны, чтобы с точностью определить содержание статьи. Тема заглавия и подзаголовка может быть связана с парламентскими выборами на Украине, посвящена ситуации с русским и украинским языками, или с информацией о математических способах подсчета данных. Таким образом, заглавие и подзаголовок в совокупности не всегда позволяют правильно установить конкретное содержание статьи.

Итак, основной смысл заголовка переходит в общий смысл текста газетной публикации. Между заглавием и текстом существуют проспективно-ретроспективные связи. Название имеет двустороннюю сущность и предопределяет содержание произведения. Заголовок может выступать как результат осмысления содержания публицистического произведения; он выражает основной замысел, идею, концепт текста и находится всегда в сильной позиции по отношению к тексту.

Список использованной литературы

1. Алисултанов А. С. Именование текста как ключевое слово / А. С. Алисултанов // Вестник Московского университета. - 1985. - № 3.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.
3. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев. - М., 1989.
4. Лукин В. А. Художественный текст / В. А. Лукин. - М., 1999.
5. Нечаев Л. Г. К специфике восприятия и функционирования однословных названий текстов // Психологические механизмы порождения и восприятия текста: Сб. науч. тр. им. М. Горького. - М., 1985.
6. Романова Т. В. Заглавие как сильная позиция в концептуальной структуре текста / Т. В. Романова // Теория языкознания и русистика. - Нижний Новгород, 2001.
7. Сыров И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста / И. А. Сыров // Филологические науки. - 2002. - № 3.
8. Чекенева Т. А. Текстобразующие потенции названий художественных произведений / Т. А. Чекенева // Лингвистические средства текстообразования. - Барнаул, 1985.

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ РУССКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Ляйрих Е. Б.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Многие исследователи занимались изучением творческого наследия И. С. Шмелёва, в том числе и автобиографического романа «Лето Господне», над которым автор работал в эмиграции в течение десяти лет, с марта 1934 по февраль 1944 года. Среди них друг Шмелёва, русский философ и литературный критик И. А.

Ильин, А. Н. Любомудров, О. Н. Михайлов, Н. Г. Морозов, О. Н. Сорокина, А. П. Черников и многие другие.

В рамках статьи на данную тему, естественно, невозможно в полной мере осветить проблему изображения русского православия в романе Ивана Сергеевича Шмелёва «Лето Господне». Слишком велик объём материала, он заслуживает отдельного глубокого и серьёзного исследования. Цель статьи - заявить о проблеме, поставить вопрос более детального анализа произведения именно с точки зрения изображения в нём русского православного быта как основы семейного и общественного уклада.

«Великим мастером слова и образа», по словам русского философа И. А. Ильина, был Иван Сергеевич Шмелёв [Ильин 1991: 180]. Эта характеристика как нельзя более точно отражает суть творчества знаменитого писателя.

Произведения Шмелева являются выражением тех идеалов, которые всегда определяла русская классика. Гуманизм, страстная убежденность в конечном торжестве добра и справедливости, красота нравственных чувств, изначально выстрадавшая любовь к России и ее народу, противоречивость исканий и радость духовных озарений - о них он с непревзойдённым мастерством поведал в своих романах, повестях и рассказах.

Находясь за границей, в отрыве от Отечества, Шмелёв, как многие писатели и поэты первой волны русской эмиграции, создаёт свои лучшие произведения о России. Наряду с Буниным, Тэффи, Аверченко и другими, он видит прошлое с высоты уже обретенного жизненного опыта. Образ России преломляется в его творчестве через призму пережитого и обретает новые черты. Иногда картины прошлого слегка идеализированы, но они всегда узнаваемы и точны. Русская действительность, повседневная жизнь людей, их поведение, язык, на котором они говорят, ежедневные заботы и мысли изображаются И. С. Шмелёвым настолько достоверно и в то же время поэтично, что трудно осознать, что роман «Лето Господне» написан вдали от Родины. Как и И. А. Бунин, Шмелёв унёс в изгнание в своём сердце Россию конца XIX века и сохранил её образ в своих произведениях. Быть, по его словам, «писателем родным, национальным, в лучшем смысле слова тем, под трудами которого может смело стоять подпись русскими буквами, быть выразителем родного и нужного, звать к свету, к бодрости, к вере в то, что и в простых сердцах, и в бедных людях заложены великие возможности» [Черников 1999: 51], - в этом видел для себя Шмелёв высшее счастье и смысл творческой деятельности.

Среди подобных произведений, отражающих именно эти идеи русского писателя, является «Лето Господне» - это изображение мира русского бытового благочестия, где православный жизненный, трудовой, годовой циклы взаимосвязаны и взаимопроникновенны. В этом плане в первую очередь обращает на себя внимание кольцевая композиция текста, отражающая годовой цикл православных праздников и дат религиозных обрядов: Великий Пост, Благовещение, Пасха, Троица, Преображение, Покров, Рождество и вновь канун Великого Поста. Перед нами - мир повседневной бытовой жизни, где все находится в нерассторжимом единстве. Эти звенья православного календаря сцепляют будничные дела персонажей романа: Великим Постом запасают на лето лед, на Спас-Преображение снимают яблоки, в канун "Ивана-Постного" солят огурцы, после Воздвижения рубят капусту. И так год за годом.. «И всего у нас запасено будет, ухитимся потеплее, а над нами Владычица, Покровом Своим укроет ... Работай - знай - и живи, не бойся, заступа у нас великая» [Шмелёв 1991: 420-421], - резюмирует один из главных персонажей произведения Горкин. Таким образом, заложенная в основу композиции произведения идея замкнутого круга придает романному миру законченность, совершенство и гармонию.

Интересно, что в романе рассказ ведется от лица мальчика, что делает его, по сути, лирическим повествованием о внутреннем откровении маленького человека. Московский быт семьи «среднего класса», основанный на православных традициях, незыблемой вере, увиден глазами ребенка. Он описан точными, выразительными словами: вот «*таратанье* московской капели», в солнечном луче «*суеются* золотинки», уходит «*масленица-жирнуха*», снег как «*толчёные орехи, халва-халвой*», блестят на стёклах «*пузырьки-глазочки*», капли с крыши «*вьются как золотые нити*», «*хряпают* топоры», покупаются арбузы с «*подтреском*», «*сочно хряпают*» огурцы, видна «*черная каша* галок на небе» [Ильин 1991: 176]. Эти определения говорят о явлениях жизни больше, чем самые точные их описания. В книге, обращаясь к нежным годам детства, Шмелёв запечатлел мировосприятие верующего ребенка, доверчиво принявшего в свое сердце Бога. Эта нежность восприятия распространяется на всё окружающее. Недаром так много в тексте слов уменьшительных, ласкательных. Пахнет «*тёплого кислотцюю*», «*снежком порадовать*», «*хвост реденький*», «*денёк Господь послал*» и т.п. [Шмелёв 1991: 277]. Крестьянская, ремесленная и купеческая среда предстает как целостный, органичный мир, нравственно здоровый, полный внутренней многовековой культуры. Эта культура не сиюминутна, она выпестована столетиями исторического бытового уклада, основанного на нравственных и религиозных ценностях. В ней нет ничего наносного, привитого «сверху», по приказу, все аспекты этой культуры эволюционировали в течение очень долгого времени, бережно отфильтровывалось истинно ценное, за ненужностью отмирало злое и лживое. «Молитовку прабабушка Устинья доверила ... божью багодать» [Шмелёв 1991: 322].

Впервые в русской художественной литературе так полно и глубоко воссоздан автором церковно-религиозный пласт жизни русского народа. Во внутренних переживаниях персонажей Шмелева открывается духовно-душевная жизнь православного христианина. Смысл и красота православных праздников, связанных с ними бытовых обрядов, обычаев, остающихся неизменными из века в век, раскрыт столь ярко и талантливо, что книга стала подлинной энциклопедией русского бытового Православия.

Удивительно образный, художественно богатый язык Шмелева органически связан с разнообразием живой народной речи, в нем словно отразилась сама душа православной России. «У Канавы опять станция - Петушки: Антип махорочку покупал, бывало. Потом у Николая-Чудотворца, у Каменного Моста: прабабушка свечку ставила. На Москва-реке лед берут, видно лошадок, саночки и зеленые куски льда, - будто постный лимонный сахар» [Шмелёв 1991: 278]. «Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это - мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дынные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... - были во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церковь под бугром, - я знаю. И щели в стенах - знаю. Я глядел из-за стен... когда?.. И дым пожаров, и крики, и набат... - всё помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... - все мнится былою, моей былою... - будто во сне забытом» [Шмелёв 1991: 279].

Роман «Лето Господне» автобиографичен, образ автора - взрослого человека слит воедино с образом главного героя - ребёнка, детское мировосприятие которого ещё очень непосредственно и наивно. Язык романа словно создаёт живописное полотно, на котором яркими мазками сияют и слова народных песен, и тексты Священного писания, и молитвы, и просто слова и словечки, создающие единую неразрывную и органичную атмосферу, окружающую маленького человека. По мере взросления главного героя, от лица которого ведётся рассказ, меняется и язык повествования. Он постепенно взрослеет вместе с ним. Если в первой и второй частях романа автор употребляет слова более «детские», отражающие наивное, светлое восприятие мира ребёнком «так его всё расстроило, что и не ущипнул за *щёчку*» [Шмелёв 1991: 262], «а *часики* в тишине,- чи-чи-чи» [Шмелёв 1991: 262], «отец ходит с Горкиным по *садику* и разговаривает про *яблоньки*» [Шмелёв 1991: 419], то в дальнейшем появляется более «взрослая», обдуманная речь. «Я стал отсчитывать пуговицы, как учил отец, сбрасывать столбики мизинцем...- и чёткий, крепкий, сухой их щёлк отозвался во мне и радостно, и больно» [Шмелёв 1991: 599], «Запах духов и кожи... е г о запах!.. - подняли во мне в с ё... Я закрыл сумочку, не видя... вышел из кабинета на цыпочках... и не входил больше». [Шмелёв 1991: 600].

«Лето Господне» - церковный календарь, прочитанный и пережитый ребёнком. Он не постигает учения, не изучает церковные ритуалы отвлеченно-умозрительным способом, он воспринимает святое неосознанно, как неотъемлемую часть повседневного быта. Повествование от начала до конца окрашено радостью разносторонней жизни. Этот мир для него - небесный и одновременно материальный, земной, насыщенный звуками, красками, запахами, цветами, залитый золотым светом: «льется весеннее солнце на золотой дощатый двор. В осеннем золотистом саду золотятся яблоки, и небо золотое. И вся земля. И звон немолчный кажется золотым мне тоже, как все вокруг». [Шмелёв 1991: 331] И надо всем этим сияет золото куполов и крестов благословенной Москвы. Праздничный духовный свет, несущий в детское сердце Божью Красоту и Благодать.

«Кажется мне, что на нашем дворе Христос. В чёрном крестике от моей свечки - пришёл Христос. И всё - для него, что делаем... Мне теперь ничего не страшно: прохожу тёмными сенями - и ничего, потому что везде Христос». [Шмелёв 1991: 297] Для русского православного человека ощущение - что «везде Христос» - было основой стабильности и миропорядка. Русская жизнь, исконно русский быт были всегда тесно связаны с верой. Это наполняло их высокой духовностью и целесообразностью, что проявлялось и в семейном укладе, и в проведении религиозных праздников. Образ семьи, неотъемлемо связанной с православной религией, является для автора романа верным её устройством. Даже если не всегда и не везде строго соблюдаются бытовые обычаи и обряды, ежедневное следование канонам православной веры, православие остаётся для Шмелёва той моральной основой, на которой зиждется семья, а следовательно, и общество. И неизбежно разрушение веры ведёт к краху семьи, а в итоге - общественного устройства, о чём свидетельствует трагическая судьба не только автора романа, но и многих русских семей того времени. Поэтому возрождение и сохранение русской православной традиционной веры может стать одним из критериев духовного оздоровления современного общества.

Роман И. С. Шмелёва открыл ещё одну страницу русской жизни конца XIX - начала XX века. Точнее и проникновеннее всех выразил мнение читателей о романе «Лето Господне» И. А. Ильин, мыслитель, духовно близкий Шмелеву по взглядам на Россию, на русский народ, на православие: «Замечательный художник, страдающего и поющего сердца, сказал здесь некую великую правду о России. Он высказал и показал ее с той законченной художественной простотой, с той ненарочитостью, с той редкой безыскусственностью, которая дается только душам предельной искренности и последней глубины ... Россия была такой» [Ильин 1991: 176].

Список использованной литературы

1. **Ильин И. А.** О тьме и просветлении: книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев [Текст] / И. А. Ильин // Послесл. и примеч. В. Молодякова. - М.: Скифы, 1991. - 211 с.: ил.
2. **Черников А. П.** Шмелев [Текст] // Литература русского зарубежья. 1920 -1940. - М., 1999. - Вып. 2. - С. 51.
3. **Шмелев И. С.** Лето Господне [Текст] / И. С. Шмелёв. - Подписная библиотека «Возвращение». - В 10 т-х. - М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1991. - Т. 2. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. О. Н. Михайлова. - 654 с.